
Роль России в европейской системе международных отношений при Елизавете Петровне

Максим Анисимов

Role of Russia in the European system of the international relations during Elizabeth Petrovna's reign

Maxim Anisimov

(*Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow*)

DOI: 10.31857/S086956870012930-4

Внешняя политика России в период правления Елизаветы Петровны длительное время не привлекала внимания отечественных историков. В XVIII в. «выигрышными» стали эпохи Петра I и Екатерины II. О годах царствования Елизаветы даже в России судили в основном по работам зарубежных авторов и иностранным источникам, согласно которым «ленивая» государыня передоверила внешнюю политику «подкупленным» министрам. Противоречие между никчёмными руководителями и хорошими результатами этой внешней политики зачастую объяснялось в духе Н.М. Карамзина: «Счастье, благоприятствуя милосердной Елизавете в её правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая»¹. Исключением из общего правила стала лишь масштабная работа С.М. Соловьёва, в которой автор, основываясь на обширных российских архивных метариалах, высоко оценил и личные качества Елизаветы, и её эпоху².

Ситуация начала меняться только во второй половине XX в., когда западные историки высоко оценили внешнюю политику Елизаветы Петровны, называя её царствование временем вхождения Российской империи в число великих европейских держав³. При этом они, как правило, не имели доступа к российским архивам. Цель статьи — рассмотреть взаимодействие России с европейскими державами в годы правления Елизаветы Петровны, а также изменение роли страны в системе международных отношений.

Взойдя на престол 25 ноября 1741 г., 31-летняя Елизавета Петровна испытывала симпатии к Франции и неприязнь к традиционным союзникам России — Англии (нация, казнившая своего короля⁴) и Австрии (австрийцы при Анне Иоанновне отказались от обязательств помощи голштинским родственникам Елизаветы, кроме того, не обеспечили восшествие её на престол после смерти Петра II⁵).

© 2020 г. М.Ю. Анисимов

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 39.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. XII. М.; Харьков, 2003. С. 842—846.

³ См., например: Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952; McKay D., Scott H.M. The rise of the Great Powers. 1648—1815. L.; N.Y., 1983. P. 159; Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. М., 2000.

⁴ Донесения французского посла маркиза де Ла Шетарди... // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 100. СПб., 1897. С. 142.

⁵ Там же. С. 233—234. При этом в тексте русско-австрийского союзного договора 1726 г., о котором говорила Елизавета, таких обязательств нет, кроме того, сама цесаревна тогда не проявила желания занять престол.

Однако обязанная своим царствованием русскому дворянству, Елизавета Петровна должна была ради сохранения престола реализовывать интересы высших кругов дворянства и во внешней политике. Отстранив иностранцев прежних царствований от управления российской дипломатией, императрица поручила её русским — прежнему канцлеру А.М. Черкасскому и только что назначенному вице-канцлером А.П. Бестужеву-Рюмину. Эти дипломаты, как и все предыдущие, сохранившие свои посты в европейских столицах, прекрасно понимали, что союз с Францией не соответствует интересам России. Например, российский резидент в Варшаве, поляк по происхождению, П. Голембиовский написал в Петербург 24 апреля 1742 г.: «В том всякий сомневаться не имеет, что Франция на благословение, которое всемогущий Бог на ваше императорское величество и на Россию изливает, ненавистным оком взирает и, следовательно, оное министерство при всех дружеских обнадеживаниях токмо к такому средству и дороге, чрез которое б вашего императорского величества интересам вред и предосуждение причинить, думает»⁶.

Версаль поддерживал тесные связи с противниками России в Швеции, Польше, Турции и не собирался отказываться от них ради сближения с двором Елизаветы. 28 июня 1742 г. английский посланник в России С. Вейч записал в донесении в Лондон об отношении Елизаветы Петровны к Англии: «В добром расположении русских министров и русской нации я вполне уверен. Не смею так же положительно относиться к намерениям её царского величества, но я неоднократно видел, как она, даже в делах меньшей важности, милостиво снисходит к советам своих министров и прислушивается к мнению своего народа, хотя бы противным её личным чувствам»⁷.

В итоге императрица отказалась от планов сближения с Францией и 11 декабря 1742 г. заключила свой первый международный договор с Лондоном — противником Версаля. Российская дипломатия вернулась к прежней доелизаветинской политике.

В 1743 г. успешно для России завершилась русско-шведская война. Мир со Швецией позволил русскому двору уделять большее внимание делам в Европе, в которой с 1740 г. шла война за Австрийское наследство. Тогда ряд европейских государств (Франция, Пруссия, Бавария, Саксония), надеясь сокрушить могущество австрийских Габсбургов, не признал и Марию Терезию, дочь австрийского монарха и императора Священной Римской империи Карла VI, наследницей его родовых земель. Россия с 1726 г. находилась в союзе с Австрией, самым опасным врагом которой стал прусский король Фридрих II — тоже союзник России.

Война между Австрией и Пруссией в восточной части Германии завершилась 11 июня 1742 г. Бреславльским миром, по которому Фридрих II, разгромив австрийцев в Силезии, присоединил к своей стране эту богатую провинцию в обмен на выход из войны. После этого войска Марии Терезии в западной части Германии стали успешно теснить французов и баварцев.

Мир в восточной части Германии позволил русской дипломатии продолжить и прежнюю, остермановскую практику заключения союзов с географически близкими европейскими государствами. 16(27) марта 1743 г. Россия подписала новый союзный договор с Пруссией, 24 января (4 февраля) 1744 г. — обо-

⁶ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1742 г., д. 9, л. 168.

⁷ Донесения и другие бумаги английских послов... // Сборник ИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 510.

ронительный договор с Саксонией (вышедшей из войны против Австрии вслед за Пруссией). В войне за Польское наследство 1733—1735 гг. русские войска способствовали тому, чтобы трон Речи Посполитой (уже политически слабой) занял лояльный России саксонский курфюрст, поэтому дрезденский двор стал главным «клиентом» Петербурга в Европе. Готовился к переподписанию и договор с Австрией.

Восстановлению прежней линии российской внешней политики помешала Вторая Силезская война (1744—1745). Фридрих II, узнав об успехах австрийцев, потеснивших его оставленных союзников, французов и баварцев, уже потерявших Мюнхен, стал опасаться того, что, покончив с ними, войска Марии Терезии решат вернуть Силезию. Кроме того, отсутствие австрийских войск в Богемии сулило Пруссии лёгкий успех и надежду прибрать к рукам и эту провинцию Австрии. 5(16) августа 1744 г. прусские войска через Саксонию, так и не успевшую что-либо предпринять, вторглись в австрийские владения. Фридрих II заявил, что эти действия не являются нарушением мира с Австрией, так как он просто помогает новому императору Карлу VII (баварский курфюрст Карл Альбрехт был избран императором в 1742 г.) в продолжавшейся на территории Германии войне.

«Мироломность» Фридриха II, его цинизм, сокрушительная военная мощь Пруссии, её вторжение в зону российского влияния, в которую входила союзная России Саксония (необходимая Петербургу для контроля над Речью Посполитой); близкое сокрушение пруссаками Австрии, главного российского союзника по борьбе с Османской империей — всё это в августе 1744 г. вызвало к жизни новую российскую внешнеполитическую программу. Её автором стал назначенный летом 1744 г. канцлером А.П. Бестужев-Рюмин. В историографии она получила название «Система Петра Великого» — по характеристике, данной ей самим автором.

Бестужев-Рюмин писал императрице, что ей следует вмешаться в продолжавшуюся австро-прусскую войну, чтобы принести в Европу мир, положить конец «несправедливым проектам и возмутительным видам» прусского короля Фридриха II. Требовалось оказать помощь своим союзникам, чтобы и они, при необходимости, помогли Российской империи в случае её войны. «Нужными» империи союзниками канцлер назвал «морские державы» — Англию и Голландию, не имевших с Россией столкновений интересов в Европе; Австрию, которая уже почти 20 лет являлась главным российским союзником в противостоянии с Турцией и контроле над Польшей; саксонский двор как королевский двор Речи Посполитой.

Как отмечал канцлер, следует опасаться поведения Фридриха II, и любой договор, подписанный с ним, ничего не будет значить для него. Стремление короля установить прусское влияние в Швеции, Польше, Турции может вызвать для Петербурга новые войны на всём протяжении русских границ в Европе. Поддержка терпящих бедствие союзников (Австрии и Саксонии, нужных России для противостояния Турции и контроля над Польшей) приведёт как к укреплению роли России в Европе, так и к обеспечению её безопасности («ее императорское величество всей Европе... законы предпишет. Сие ее империю в такой кредит приведет, что никто впредь не осмелится оную задрать; сверх того же мы сим других держав дружбу себе приобретем»⁸). Канцлер ука-

⁸ Письма графа А.П. Бестужева-Рюмина к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн. 2. М., 1870. С. 21.

зал весьма заманчивую цель — превратить Российскую империю в ведущую державу Европы, тем самым обеспечив безопасность страны.

Несмотря на настояния своего канцлера, Елизавета Петровна в 1744 г. так и не приняла решения относительно войны в Германии. Причины этого неизвестны. Возможно, это были обычная осторожность императрицы, желание подождать, как повернётся дело, или её стремление руками пруссаков проучить Марию Терезию за отказ от наказания бывшего австрийского посланника в России маркиза Ботта д'Адорно. Последнего в Петербурге обвиняли в участии в заговоре недовольных сановников прежних правлений, известного как «заговор Лопухиных».

Между тем война в Германии затягивалась. Австрийские войска сумели вытеснить пруссаков из Богемии. В январе 1745 г. был заключён союз Австрии, Саксонии, Великобритании и Соединённых Провинций Нидерландов, и в это же время скончался германский император Карл VII, в поддержку которого Фридрих II и начал Вторую Силезскую войну. Саксонцы как союзники австрийцев оказали им помощь и отправили к ним свой корпус. В Петербурге предполагали, что теперь Мария Терезия, свободная от условий Бреславльского мира, попытается отбить у пруссаков Силезию. Русский двор фактически официально отказался поддержать Фридриха II в Силезии, рассматривая её как территорию, на которую обязательства помощи не распространялись⁹.

В мае 1745 г. австрийские и саксонские войска вторглись именно в прусскую Силезию, но были разбиты Фридрихом II, который в августе 1745 г. объявил войну Саксонии. Вновь два союзника России воевали друг с другом. Влиятельный русский посланник в Саксонии обер-гофмаршал гр. М.П. Бестужев-Рюмин, старший брат канцлера, призывал своё правительство оказать Саксонии помощь, ибо российско-императорский «интерес всемерно требует, дабы всячески не допускать его (Фридриха II. — *М.А.*) приходить в наибольшую силу, и дабы он, не имея в Польше в предосуждение России никакой инфлюенции (влияния. — *М.А.*), в состояние деда своего приведен был, который всегда в депенденции (зависимости. — *М.А.*) российской находился»¹⁰.

Получив известия о войне Фридриха II с Саксонией, Елизавета Петровна призвала к себе канцлера для обсуждения дальнейших действий России. Сама императрица желала примирить своих союзников, опасаясь как войны с Пруссией, так и сокрушения Саксонии и превращения польского короля и саксонского курфюрста Августа III в прусскую марионетку. 16 сентября Бестужев-Рюмин подал письменное мнение, что остаться в стороне от прусско-саксонской войны нельзя, — это будет означать потерю уважения в Европе, значит, необходимо поддержать кого-то из двух враждующих союзников. Сам канцлер высказался о том, что «интерес вашего величества, честь и безопасность империи требуют» поддержать восстановление старой европейской системы и выступить против Пруссии. Лучшим примером, отмечал Бестужев-Рюмин, служила Голландия, которая, открыто не участвуя в войне за Австрийское наследство, помогала Англии и австрийской государыне Марии Терезии деньгами и военной силой¹¹.

⁹ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1745 г., д. 5, л. 132 об.—133. Об этом же писал и Е.Н. Щепкин (*Щепкин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758 гг. СПб., 1902. С. 24).

¹⁰ АВПРИ, ф. 79, оп. 1, 1745 г., д. 7, л. 211—215.

¹¹ Там же, ф. 2, оп. 1, 1745 г., д. 26, л. 201—226 об.

Последняя фраза достаточно интересна — она показывает дальнейшую логику Бестужева-Рюмина; воевать из-за ширмы, добиваться военных целей не российскими войсками, а союзными, надеясь, что они сами сделают всё необходимое для русских интересов, или же оказывать военную помощь за счёт союзников, держа вспомогательные войска России на деньги заинтересованных в её помощи держав.

19 сентября и 3 октября 1745 г. в присутствии императрицы состоялись заседания высших сановников империи, обсуждавших поставленный Елизаветой Петровной вопрос: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, далее в усиление приходить допускать, или не сходственное ли будет королю польскому, яко курфюрсту саксонскому, по действительному настоящему с ним случаю союза помощь подать и каким образом?»¹². Решение об оказании помощи Саксонии, несмотря на новые военные успехи пруссаков, было принято единогласно. Корпус под началом лучшего из российских полководцев фельдмаршала П.П. Ласси стал готовиться к походу для оказания помощи Августу III. Но уже узнавший о решении Петербурга Фридрих II окончательно разгромил Саксонию и занял её столицу — Дрезден.

21—25 декабря Елизавета Петровна снова созывала совещания своих сановников, которые и в условиях краха Саксонии подтвердили прежние решения о походе против Пруссии, на этот раз приказав привести в боеготовность всю российскую армию. Впрочем, эти меры не понадобились. (14)25 декабря 1745 г. Фридрих II подписал Дрезденский мир с Саксонией и Австрией, согласно которому в обмен на подтверждение прежних соглашений и выплату саксонцами контрибуции он выводил свои войска из Саксонии и признавал мужа Марии Терезии Франца Стефана Лотарингского новым австрийским императором (такovým его избрало большинство курфюрстов 13 сентября 1745 г.).

Россия лишилась повода для войны с Пруссией. После безуспешных попыток уговорить австрийцев снова под любым предлогом начать войну против пруссаков, обещая им помощь в 100 тыс. солдат¹³, русскому двору пришлось отказаться от своих планов и ждать нового случая. С этого времени в Петербурге уже рассматривали Фридриха II как главного врага. В российской Лифляндии на случай нового внезапного нападения его войск на территории союзников России постоянно находился русский корпус. Особенностью российской антипрусской позиции были её секретность и нежелание выступать зачинщиком войны с Пруссией, основные тяготы которой должны были взять на себя союзники. Эта «голландская модель» участия в войне, придуманная Бестужевым-Рюминым, создала превратное впечатление о роли России в историографии европейской международной политики середины XVIII в., основанной на иностранных источниках.

Однако Россия не стала «случайной» жертвой Семилетней войны 1756—1763 гг. и не была втянута в неё своими союзниками — она шла к этому с первых лет правления Елизаветы Петровны. Российская империя и Пруссия фактически одновременно решили выйти на европейскую арену в лице великих держав (для империи — скорее «возвращение» в качестве не региональной, а европейской державы), а общий восточноевропейский регион, где они планировали действовать, должен был оказаться в центре столкновения их интере-

¹² Цит. по: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения в 18 кн. Т. 22. Кн. 11. М., 1993. С. 356.

¹³ Щепкин Е.Н. Указ. соч. С. 43—45.

сов. Решающей для российского стремления сокрушить Пруссию и вернуть её в разряд второстепенных государств стала агрессия Фридриха II в отношении Саксонии, имевшей союзный договор с Россией. У последней были и другие причины ликвидации прусской военной мощи. Стремящийся расширить владения во всех возможных направлениях Фридрих II изначально рассматривал своего восточного «соседа» — Речь Посполитую — как источник новых прусских территорий. В Петербурге, давно контролировавшем Польшу, не желали уступать свои позиции в угоду новой европейской силе, не говоря уже о потере влияния на Варшаву. Увидев такую предельную озабоченность относительно Польши, Фридрих II предпочёл отвернуться от неё, чтобы не раздражать русских. В Петербурге опасались того, что прусский король в дальнейшем может воспользоваться любыми проблемами России для вытеснения её влияния из Польши, Швеции, Турции и Прибалтики¹⁴.

После тщетной попытки ликвидировать прусское могущество в 1745 г. Россия согласилась подписать в 1746 г. субсидную конвенцию с англичанами, имевшую целью содержание 30-тысячного русского корпуса в Лифляндии для удара по Восточной Пруссии в случае, если Фридрих II снова нарушит мир и нападёт на принадлежавший английскому королю Ганновер или на владения австрийцев, союзников англичан в неудачной войне против Франции в Австрийских Нидерландах. Русский двор получал деньги на содержание корпуса, который оставили там для быстрой помощи австрийцам и саксонцам. Субсидный договор был продлён и на 1747 г. Зная о его условиях, Фридрих II больше не делал никаких попыток атаковать кого-либо из «соседей».

В то же время англичане и голландцы предложили новый субсидный договор — об отправке 37-тысячного русского корпуса на Рейн в качестве помощи отступающим перед французами австро-англо-голландским войскам, и в Петербурге сразу согласились. Участие русского корпуса в европейской войне позволяло не только укрепить отношения с союзниками, но и давало право на подписание общего для Европы мирного договора, что повысило бы престиж России, превратив её в одного из ключевых игроков в регионе.

Русский корпус выступил к Рейну, но до цели не дошёл, так как воюющие стороны уже заключили Ахенский мир (1748). В связи с этим британский историк Д.Б. Хорн отмечал: «Хотя эти войска прибыли слишком поздно, чтобы сражаться, возможно, что их марш имел некоторое влияние на французское решение заключить мир на очень умеренных условиях»¹⁵. По словам американского исследователя Р. Браунинга, именно «грохот мобилизации с востока» заставил Версаль торопиться с заключением мира, так как «его континентальное преимущество могло бы быть сокрушено прибытием русских войск», «угроза их вторжения в Западную Европу была сильным побуждением для Франции, чтобы стремиться к соглашению», а сам русский корпус оказался «единственным оружием союзников у головы Людовика XV»¹⁶. Мнения о том, что французы пошли на подписание мира из-за опасения столкновения с русскими,

¹⁴ В «Первом политическом завещании» Фридриха II от 1752 г. прусский король действительно рассуждал о возможной войне в союзе со шведами против русских для захвата Лифляндии и Эстляндии (*Die Politischen Testamenten Friedrich's des Grossen* / Red. G.B. Volz. Berlin, 1920. S. 64—65).

¹⁵ *Horn D.B.* Great Britain and Europe in the eighteenth century. Oxford, 1967. P. 211.

¹⁶ *Browning R.* The War of the Austrian Succession. N.Y., 1993. P. 329, 353—354.

придерживается и современный чешский историк Ф. Штеллнер¹⁷. Можно согласиться, что Россия всё же склонила чашу весов в пользу своих союзников, и её новое качество вершителя судеб Европы было подтверждено.

Бестужев-Рюмин хотел, чтобы русский представитель также присутствовал при подписании Ахенского мира, но к этому процессу по настоянию французов не допустили те страны, которые не имели прямого отношения к их войне (как Россия и Пруссия)¹⁸.

Ахенский мир, так и не конституировав новую международную систему с Пруссией и Россией в новых ролях, оказался временным. Он не разрешил противоречий между державами Европы, осложнившихся активным вмешательством Пруссии и России в европейские дела, которые привыкли решать «старые» великие державы (Франция, Англия и Австрия). Вопросы их взаимоотношений с «новыми» фигурами континента — Россией и Пруссией, в позиции которых не было явной определённости, и составили в тот период основную ось европейской дипломатической борьбы.

Австрия, по-прежнему мечтавшая вернуть Силезию, после неудачной Второй Силезской войны ещё больше сблизилась с Россией. В 1746 г. был заключён новый русско-австрийский оборонительный союз, секретные статьи которого касались не только давнего общего противника Вены и Петербурга Османской империи, но и нового — Пруссии. Австрийский двор не мог самостоятельно решить задачу её сокрушения и вернуть утраченные земли, а петербургский считал, что Австрия должна стать главной силой в борьбе с Пруссией, Россия же под видом помощи союзникам могла решить задачу разгрома могущественного государства Фридриха II.

Французы, осознав, что с отправкой против них русского корпуса надежды на сближение с Россией рухнули, в 1748 г. отзывали из Петербурга своих дипломатов. Русский двор ответил зеркально, а в 1750 г. по его инициативе были разорваны дипломатические отношения с Пруссией.

В связи с постоянным нежеланием Лондона обращать внимание на интересы своих союзников (по замечанию М.Н. Алексеевой, «все войны, в которых Великобритания и Австрия сражались на одной стороне, заканчивались односторонним решением Лондона и навязыванием им Вене условий перемирия — Рисвикский мир (1697), Утрехтский (1713), Ахенский (1748)»¹⁹) взаимоотношения России и Великобритании осложнились и во время войны за Австрийское наследство. Целью Лондона была изоляция главного врага — Франции, поэтому англичане постоянно маневрировали: от стремления развязать войну России против Пруссии (союзной Франции) до желания сделать последнюю своей союзницей. В итоге, когда в Петербурге наконец решили воевать против Пруссии, Лондон в августе 1745 г. уже заключил Ганноверскую конвенцию с Фридрихом II. Согласно документу прусский король обязался выйти из войны с Австрией на условиях прежнего мира, а Георг II гарантировал помощь в убеждении австрийцев этот новый мир подписать. Субсидные конвенции последующих двух лет тоже имели сложную историю переговоров,

¹⁷ *Stellner F.* Rusko a Střední Evropa v 18. století. I. díl. Praha, 2009. S. 117.

¹⁸ Подробнее см.: *Анисимов М.Ю.* Елизаветинская Россия и международные конгрессы в середине XVIII в. // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 121—143.

¹⁹ *Алексеева М.Н.* Англо-австрийские отношения и Россия во время войны за Австрийское наследство // Священная Римская империя, Германия и Россия в европейских конфликтах Нового времени. М., 2012. С. 87.

но богатая Британия была нужна Бестужеву-Рюмину как «кассир» возможных военных акций России в Европе. Лондон это вполне устраивало. Англичане считали, что Петербург вообще не может иметь каких-то целей в европейской борьбе держав, и русским всё равно, с какой целью «продавать» свои войска. Однако, указал американский историк Л.Дж. Олива, это было не так: «Россия знала о своих подлинных интересах. Если иностранные субсидии и взятки и казались успешными в определении российских действий, то это обычно бывало тогда, когда желания взяточдателя и взяточника совпадали. Иными словами, русских было легко подкупить, чтобы русские сделали так, как они сами того хотели»²⁰.

В 1753 г. вновь обострились англо-прусские отношения, и Лондон запросил у Петербурга приготовить к отправке русский корпус за определённую сумму денег. Императрица снова повелела собрать своих сановников для обсуждения английского предложения. Конференция состоялась в мае 1753 г., но её протоколов в архиве обнаружить не удалось, о них нет упоминаний и в «Истории России с древнейших времён». Как разворачивались дальнейшие события, можно узнать из донесений австрийского посланника в Петербурге Й.Ф. фон Претлака. По его словам, сановники собрались во дворце 14(25) мая, выступила императрица, повторив основные аргументы Бестужева-Рюмина о территориальных захватах Фридриха II, его стремлении дальше расширять свои владения и постоянных конфликтах с «соседями». Елизавета Петровна поставила вопрос, «совместимо ли с интересами русского государства допускать дальнейшее усиление Пруссии», и высказалась за войну с ней²¹. Сановники, естественно, поддерживали государыню. 15 мая конференция собралась снова, чтобы обсудить детали подготовки русского корпуса к войне с Пруссией за английские субсидии²².

Политические враги канцлера предложили отправить оригинал решения в Сенат, чтобы потом ориентироваться по нему всем задействованным ведомствам. Однако императрица велела оставить у Бестужева-Рюмина документ, а тем, кому нужно, снять с него копии. Переводы с копии решения получили австриец Претлак²³ и английский посланник М. Гюи-Диккенс²⁴. Вероятно, из-за подобной секретности протокола в архиве и не оказалось.

По поводу вышеназванных конференций Е.Н. Щепкин писал: «Все чрезвычайные вооружения, предшествовавшие Семилетней войне, и самое участие России в первой же коалиции, которая поставила себе главной целью возвращение Пруссии к её старым границам, в сущности, были решены Елисаветой и её советниками уже теперь»²⁵. Действительно, в мае 1753 г. было заявлено о непосредственной подготовке к войне, но ещё в конце 1745 г. Россия решила значительно понизить статус Пруссии в Европе, а в 1753 г. появился способ реализации этого плана.

²⁰ *Oliva L.J.* Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years War. N.Y., 1964. P. 179.

²¹ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 169; см. также: Дипломатическая переписка английских представителей... // Сборник ИРИО. Т. 148. Пг., 1916. С. 426.

²² Дипломатическая переписка английских представителей... С. 459—462; *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 172—173.

²³ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 168—170.

²⁴ Она опубликована в его корреспонденции: Дипломатическая переписка английских представителей... // Сборник ИРИО. Т. 148. С. 458—462.

²⁵ *Щепкин Е.Н.* Указ. соч. С. 170.

«Толико желаемое для пользы нашей империи сокращение сил короля прусского под именем простой помощи и большею частью на чужом иждивении в действо производиться может, — как рассуждал Бестужев-Рюмин о событиях мая 1753 г. — Таким образом, почти желательно было, чтоб война в Европе прямо началась, и король прусский в оную вмешался»²⁶.

Однако хитрый план не сработал — опасность англо-прусской войны в 1753 г. быстро ослабевала. В 1754 г. ситуацию изменила начавшаяся англо-французская война в Северной Америке, грозившая перекинуться в Европу. В тех условиях англичанам срочно понадобились защитники Ганновера, и 19 сентября 1755 г. новая англо-русская субсидная конвенция была подписана. В ней гарантировалось оказание русской военной помощи в обмен на английскую субсидию в случае нападения на Ганновер третьей стороны. По уверениям Лондона, в связи с британской практикой утверждения договоров парламентом, конвенцию не удалось бы сохранить в секрете, потому из неё удалили все предлагавшиеся русской стороной упоминания о союзной Франции Пруссии, которая и предусматривалась в качестве агрессора. Но у английского двора имелись и иные причины. Англичане, зондировавшие отношение Фридриха II к англо-французской войне, получили заверения, что он не желает принимать в ней участия²⁷.

Ратификация российской императрицей уже подписанной канцлером Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером гр. М.И. Воронцовым конвенции неожиданно застопорилась. Русский двор стал опасаться того, что войскам придётся воевать уже против французской армии, Пруссия же останется в стороне. В итоге императрица ратифицировала конвенцию только 1 февраля 1756 г. Однако она, согласно приложенной к ней декларации, была действительна только в случае нападения на Ганновер Пруссии. Через два дня английский посол сообщил о том, что Лондон заключил схожую конвенцию с Пруссией. Фридрих II, понимая, что война в Европе — лишь вопрос времени, стремился выйти из-под возможного удара австрийских и русских армий. Он с радостью принял предложение англичан, по-прежнему стремившихся «оторвать» его от Франции, защитить Ганновер, решив, что Вестминстерской конвенцией избавится от угрозы русских, которых он считал зависимыми только от английских денег. Фридрих II заявил, что этим он не нарушил уже истекавший союзный договор с Францией, готов был переподписать его, просто уверяя французов, что им следует воевать с англичанами в других местах, а не в Ганновере²⁸. В Версале, естественно, пришли в ярость от нового кульбита прежнего союзника и приняли решение ради войны с англичанами и наказания Пруссии примириться со своим вековым врагом — австрийскими Габсбургами. 1 мая 1756 г. между Францией и Австрией был заключён Версальский оборонительный договор.

Русский двор, ещё не зная о таких масштабных переменах в Европе, был вынужден обсудить уход союзных англичан к главному врагу — пруссакам. По инициативе Бестужева-Рюмина, прежде ярого сторонника подписания англо-русской субсидной конвенции, которая в новых условиях превратилась в бесполезную бумагу, императрица созвала Конференцию при высочайшем дворе,

²⁶ Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн. 3. М., 1871. С. 361—362.

²⁷ *Kaplan H.H.* Russia and the Outbreak of the Seven Years' War. Los-Angeles, 1968. P. 7.

²⁸ *Черкасов П.П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010. С. 147.

ставшую постоянным органом, руководившим всей последующей борьбой с Пруссией. 14 марта 1756 г. на первом заседании конференции императрица предложила обсудить проблему, связанную с подписанием англо-прусского Вестминстерского договора, который разрушал прежние надежды на русско-английскую конвенцию: «По силе сей последней думано здесь получить удобный случай к атакованию короля прусского общими силами, и потому с меньшею трудностию привести его в желаемое сокращение сил»²⁹. Елизавета Петровна даже не рассматривала вопрос об отмене антипрусских планов или откладывании войны до лучших времён. Русский двор решил сам предложить Австрии совместными силами разгромить Пруссию. 15 марта императрица одобрила общее решение: «Чтобы короля прусского до приобретения новой знатности не допустить, но паче силы его в умеренные пределы привести и, одним словом, неопасным уже его для здешней империи сделать»³⁰.

В протоколах конференции указывались цели России в Семилетней войне (в том числе территориальные). Документы были опубликованы в России только в 1912 г., но долгое время оставались не замеченными наукой. Открытие их в иностранной историографии принадлежит английскому историку Г. Баттерфилду, который в 1951 г. опубликовал отдельное эссе о причинах войны. Он намеренно провокативно возложил вину за её начало на Россию, опираясь на публикацию протоколов конференции за 1756 г.³¹ Однако Петербург не мог развязать без участия других держав столь масштабную войну, и её конкретного «поджигателя» в Европе не было. Немецкий историк М. Мюллер отмечал, что не следует переходить от недооценки к переоценке роли Российской империи в развязывании войны³². Она, помимо столкновения российско-прусских интересов в Восточной Европе, стала логическим исходом войны за Австрийское наследство (1740—1748) и итогом как продолжения противоборства Австрии и Пруссии, так и переноса на континент колониальной борьбы Франции и Англии. Эссе Баттерфилда доказывает только то, что накануне войны Россия уже была не марионеткой других держав, а осознававшим свои цели и задачи активным участником европейских международных отношений. Работа английского исследователя стала рубежной в иностранной историографии, признавшей самостоятельную роль России в подготовке общеевропейской Семилетней войны (это отметил и Мюллер)³³.

Если иностранные историки уже достаточно давно указывали на наличие собственных интересов правительства Елизаветы Петровны для участия России в войне (например, стремление снять прусскую угрозу гегемонии России в её сфере влияния в Восточной Европе)³⁴, то в российском историческом созна-

²⁹ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник ИРИО. Т. 136. СПб., 1912. С. 4.

³⁰ Там же. С. 31; Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн. 3. С. 379.

³¹ *Butterfield H.* Reconstruction of an Historical Episode: The History of the Enquiry into the Origins of the Seven Years' War. Glasgow, 1951.

³² *Müller M.G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg: Beitrag zu einer Kontroverse // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 28. 1980. H. 2. S. 200.

³³ *Ibid.* S. 199; *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges: Zum gegenwärtigen Forschungsstand // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. Bd. 11. 1972. S. 157—158.

³⁴ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg: Studien zum Verhältnis von Kabinettpolitik und Kriegführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München; Wein, 1978. S. 32; *Müller M.G.* Rußland und der Siebenjährige Krieg... S. 205—206.

нии до последнего времени господствовал прежний подход. Так, заявлялось о бессмысленности и ненужности «чужой» войны³⁵ против Пруссии в угоду Австрии, хотя в некоторых исследованиях отмечалось, что решение императрицы о войне с Пруссией точно не было навязано ей извне³⁶.

Во время этих заседаний Елизавета Петровна, со своей стороны, зная о слухах об австро-французском сближении, решила восстановить отношения с Версалем. Сам процесс начался намного ранее «дипломатической революции», в которой прежние блоки союзников в Европе распались и образовались новые, — ещё в 1755 г. французы отправили в Россию своего тайного эmissара с целью налаживания разорванных несколько лет назад контактов. В мае 1756 г. императрица согласилась восстановить отношения, и 10 июля того же года французский эmissар в Петербурге вручил верительные грамоты, в которых Людовик XV признавал его своим поверенным в делах в России.

Союз с Австрией был по-прежнему крепок. Вене даже пришлось удерживать Петербург от скорейшего нападения на Пруссию. Австрия предпочла недвусмысленным сосредоточением своих армий у границ вызвать нападение Фридриха II на себя, чтобы запустить действие союзных договоров с Россией и Францией и освободиться от обязательств прежних соглашений с Пруссией об отказе от прав на Силезию. Фридрих II не любил ждать, зная, что его враги со всех сторон собирают силы, и действительно атаковал первым. 17(28) августа 1756 г. прусская армия вторглась в расположенную на пути в австрийские владения Саксонию, начав войну между Англией и Пруссией, с одной стороны, и Австрией, Россией, Францией, Швецией, Саксонией — с другой.

К этой войне Россия шла 10 лет, надеясь сокрушить своего геополитического конкурента в любом следующем европейском конфликте, в который могла быть втянута Пруссия. В Петербурге собирались использовать всё тот же «голландский опыт», о котором говорил Бестужев-Рюмин в конце войны за Австрийское наследство: Россия прямо не объявляет войны Пруссии, не декларирует открыто своих целей, официально лишь выполняет союзнический долг перед подвергшимися прусской атаке союзниками; отправляет на войну в виде «диверсии» лишь часть своих сил, всё остальное делают союзники. Затем на мирных переговорах по итогам войны Россия получает разгромленного чужими руками и на чужие деньги (сначала англичане, а затем австрийцы выплачивали ежегодную субсидию, чтобы русские сделали то, что Петербург сам уже давно хотел осуществить) опасного конкурента и может рассчитывать на какие-нибудь выгоды по итогам мира.

Из-за секретности своих планов (о них не знали ни современники, ни историки вплоть до публикации русских документов) Петербург сам в какой-то степени оказался виноват в том, что причины его участия в войне объяснялись превратно и в самой России, исключительно как выполнение обязательств по союзу с Австрией. Более того, «голландскую модель» «отбросили» после 1758 г.,

³⁵ Впрочем, эта точка зрения встречается до сих пор: «С современных позиций... российская геополитика елизаветинского царствования, увенчавшаяся бессмысленной бойней Семилетней войны, выглядит совершенно неадекватной национальным интересам» (*Панченко К.А. Геополитика Алексея Вешнякова: мысли российского резидента в Стамбуле 1740-х гг. // Исторический вестник. 2019. Т. 30. С. 205*).

³⁶ «Несомненно одно: заявления, делавшиеся впоследствии, во время царствования Петра III и Екатерины II, относительно того, что Россия воевала в Семилетней войне за чуждые ей австрийские интересы, лишены серьёзных оснований» (*Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 81—82*).

когда её идеолог Бестужев-Рюмин был снят с поста канцлера и сослан. Новой целью Петербурга стало достижение равноправия с воюющими державами.

Семилетняя война показала ошибочность расчёта Вены, Петербурга и Версаля на то, что Фридрих II не устоит против сил трёх великих держав и их союзников. Несмотря на отдельные победы австрийцев и героическую стойкость русских армий в сражениях с лучшей в Европе прусской армией (пусть и разгромленной при Кунерсдорфе в 1759 г.), все долгие годы войны Фридрих II успешно сопротивлялся. Однако он понимал неизбежность своего поражения³⁷. Правительство Елизаветы Петровны было готово к тому, чтобы играть ведущую роль на планировавшемся на 1761 г. мирном конгрессе в Аугсбурге. Россия рассчитывала использовать поддержку Австрии (знавшей, что только усилиями Петербурга можно добиться победы над Пруссией), лояльность Великобритании (всю войну поддерживавшей торговые отношения с русскими), слабость разгромленной в колониях Франции, а также обескровленной и готовившейся признать поражение Пруссии³⁸.

Но 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) скончалась Елизавета Петровна, и дальнейшие действия Петра III в отношении Семилетней войны широко известны. Выход Российской империи из войны спас Пруссию, позволил ей сохраниться как великой державе и впоследствии объединить под властью Берлина всю Германию. России не удалось добиться главной цели войны — сокрушения военного могущества Пруссии, из-за чего с ней ещё не раз в истории сходились в схватке Российское государство. Так, Й. Куниш считал вступление советских войск в Берлин в 1945 г. «драматическим апогеем» развития логики того европейского лейтмотива сокрушения могущества прусского милитаризованного государства, который лишь отсрочило «чудо Бранденбургского дома», хотя и на две сотни лет³⁹. Западногерманский исследователь В. Баумгарт тоже отмечал удивительную схожесть русских планов 1756 г., включавших аннексию Восточной Пруссии, и советских стремлений конца Второй мировой войны⁴⁰.

Из-за окончательного выхода России из Семилетней войны при Екатерине II общий для всей Европы мирный конгресс в Аугсбурге так и не состоялся. России не удалось утвердить своё особое положение международными соглашениями. Но всё же к концу правления Елизаветы Петровны страна окончательно вошла в европейскую систему международных отношений как одна из пяти великих держав, решавших судьбы континента. С завершением Семилетней войны, отметил британский историк М.С. Андерсон, центр тяжести европейской дипломатии переместился на восток Европы⁴¹, в треугольник Вена—Берлин—Петербург. Как справедливо отметил шотландский историк Х. Скотт, именно к концу правления Елизаветы Петровны на континенте сложилась система пяти великих держав (Великобритания, Франция, Австрия, Россия и Пруссия) —

³⁷ 6 января 1762 г. Фридрих II сообщил в письме своему министру о том, что тому следует ждать середины февраля, и если в войну не вмешается Турция, следует начать переговоры о том, какие из владений Пруссии можно будет сохранить за его наследником (*Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*. B. 21. Berlin, 1894. S. 165—166).

³⁸ Подробнее см.: *Анисимов М.Ю.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756—1763 гг. М., 2014. С. 232—243.

³⁹ *Kunisch J.* Das Mirakel des Hauses Brandenburg... S. 23.

⁴⁰ *Baumgart W.* Der Ausbruch des Siebenjährigen Krieges... S. 159.

⁴¹ *Anderson M.S.* Europe in the Eighteenth Century 1713—1789. Ed. 3. L., 1987. P. 247.

«пентархия». Она определяла судьбы Европы до Первой мировой войны⁴².

В результате Семилетней войны статус великих держав получили Россия и Пруссия, был поддержан авторитет Австрии, ослаблена прежде доминировавшая в Европе Франция, а Великобритания стала мощной колониальной империей. Россия, хотя и не добилась в войне своих целей, доказала своё «право на великодержавие». Теперь она стала решать не только региональные дела Балтики и соседних стран, но и общеевропейские вопросы.

⁴² *Scott H.M.* The Birth of a Great Powers System 1740—1815. L., 2006. P. 139.